

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В.Баляна, М.С.Дзюбы и других

город Санкт-Петербург

17 декабря 2015 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан А.В.Баляна, М.С.Дзюбы, С.В.Николаева, В.В.Парначева, Д.В.Петрова, В.В.Прохорова, М.В.Рожкова и Л.В.Юрченко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М.Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявители по настоящему делу граждане А.В.Балян, М.С.Дзюба, С.В.Николаев, В.В.Парначев, Д.В.Петров, В.В.Прохоров, М.В.Рожков и Л.В.Юрченко оспаривают конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 7 части второй статьи 29, в соответствии с которым в ходе досудебного производства только суд правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;

части четвертой статьи 165, устанавливающей, что после рассмотрения ходатайства о производстве следственного действия судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа;

части первой статьи 182, согласно которой основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

1.1. 30 августа 2013 года в отношении гражданки Д. – директора государственного бюджетного учреждения Новосибирской области «Агентство регионального маркетинга» и граждан Д.В.Петрова и Л.В.Юрченко – работников данного учреждения было возбуждено уголовное дело № 359399 по признакам преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 «Мошенничество» УК Российской Федерации. По версии следствия, в период с 1 марта по 31 июля 2012 года указанные граждане группой лиц по предварительному сговору с использованием служебного положения похитили из бюджета Новосибирской области 2 700 000 рублей под предлогом использования этих средств в качестве субсидий на проведение в 2012 году Международного инновационного форума. Их защиту по данному уголовному делу осуществляли адвокаты из некоммерческой организации «Новосибирская городская коллегия адвокатов» А.В.Балян, М.В.Рожков и С.В.Николаев, гражданка М.С.Дзюба являлась свидетелем по данному уголовному делу, а адвокаты В.В.Парначев и В.В.Прохоров оказывали юридическую помощь двум другим свидетелям.

5 октября 2014 года по материалам, выделенным из уголовного дела № 359399, в отношении Д. было возбуждено уголовное дело № 40313 по признакам преступления, предусмотренного частью третьей статьи 160 «Присвоение или растрата» УК Российской Федерации, которое, по мнению следователя, выразилось в противоправном обращении в свою пользу и в пользу Д.В.Петрова и Л.В.Юрченко вверенных ей денежных средств в размере 247 000 рублей, часть которых была затем перечислена на расчетный счет некоммерческой организации «Новосибирская городская коллегия адвокатов».

Октябрьский районный суд города Новосибирска постановлением от 5 октября 2014 года удовлетворил ходатайство следователя о производстве в нежилых помещениях, занимаемых некоммерческой организацией «Новосибирская городская коллегия адвокатов», адвокатами других адвокатских образований, а также ООО «Аудиторская служба «Нобл Компани», обыска с целью отыскания и изъятия документов,

подтверждающих оплату юридической помощи по уголовному делу № 359399, адвокатских производств и иных предметов и документов (в том числе хранящихся на электронных носителях), имеющих значение для уголовного дела № 40313, а в случае сокрытия таких предметов и документов – производства с целью их отыскания и изъятия личного обыска адвокатов и иных лиц, которые могли находиться в этих помещениях на момент осуществления соответствующих следственных действий. При этом суд сослался на положения статей 165 и 182 УПК Российской Федерации, а также статьи 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», касающихся адвокатской тайны, проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката на основании судебного решения.

Апелляционные жалобы адвокатов, включая В.В.Парначева, В.В.Прохорова и М.В.Рожкова, на постановление Октябрьского районного суда города Новосибирска от 5 октября 2014 года были оставлены без удовлетворения Новосибирским областным судом с указанием на то, что все перечисленные в нем адвокатские производства могут иметь значение для расследования соответствующего уголовного дела, а потому суд первой инстанции правильно дал разрешение на их изъятие, действия же следователя по изъятию в ходе обыска документов и предметов, в том числе адвокатских производств, не имеющих отношения к расследуемому уголовному делу, могут быть обжалованы в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации (апелляционное постановление от 3 декабря 2014 года).

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в его деле, рассмотрение которого завершено в суде, и затрагивающих конституционные права и свободы граждан, на нарушение которых ссылается заявитель,

принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая при этом как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Заявители по настоящему делу утверждают, что оспариваемые ими законоположения, позволяя суду удовлетворять ходатайства следователя об изъятии у адвоката, осуществляющего защиту подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу, и в помещении адвокатского образования составляющих адвокатскую тайну материалов адвокатских производств в отношении доверителей, создают возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина, препятствуют профессиональной деятельности адвоката и тем самым противоречат статьям 2, 15 (часть 4), 17, 18, 23 (часть 1), 24 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 48 (часть 1) и 55 Конституции Российской Федерации.

Соответственно, пункт 7 части второй статьи 29, часть четвертая статьи 165 и часть первая статьи 182 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащихся в них положений разрешается вопрос о проведении обыска в помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, и определяются объекты, которые подлежат обнаружению и изъятию в ходе данного обыска, в рамках уголовного дела, в котором подозреваемым, обвиняемым является доверитель адвоката.

2. Право на получение квалифицированной юридической помощи – в числе других прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной

власти и обеспечиваются правосудием, – признается и гарантируется в Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статьи 2, 17, 18 и 48 Конституции Российской Федерации).

Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, в том числе адвокатам, – для эффективного осуществления их деятельности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 года № 18-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

Право пользоваться помощью адвоката (защитника) признается в качестве одного из основных прав человека и международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России, – Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункты «b», «d» пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт «с» пункта 2 статьи 6).

Будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, на которого законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), адвокат, как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, осуществляет деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Вместе с тем осуществление адвокатами публичных функций предполагает создание нормативно-правовых и организационных механизмов, которые позволяют обеспечивать законность в деятельности адвокатов с учетом специфики адвокатуры как профессионального сообщества адвокатов, которое, будучи институтом

гражданского общества, не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления и действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов (пункты 1 и 2 статьи 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

2.1. Необходимая составляющая права пользоваться помощью адвоката (защитника) – обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, которая является не привилегией адвоката, а гарантией законных интересов его доверителя, подлежащих защите в силу Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещающей сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), закрепляющей право обвиняемого считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), а также право не свидетельствовать против самого себя (статья 51, часть 1), которое означает не только отсутствие у лица обязанности давать против себя показания в качестве свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или предоставлять такие сведения в какой бы то ни было иной форме, но и запрет на принудительное изъятие и использование таких сведений, если они были ранее доверены лицом адвокату под условием сохранения их конфиденциальности в целях обеспечения защиты своих прав и законных интересов.

Обязанность хранить адвокатскую тайну в равной степени лежит и на адвокатских образованиях, включая коллегии адвокатов. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гарантируемое статьей 23 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на неприкосновенность частной жизни распространяется на ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается

только этого лица и, если его действия носят непротивоправный характер, не подлежит контролю со стороны общества и государства (Постановление от 16 июня 2015 года № 15-П, определения от 9 июня 2005 года № 248-О, от 16 февраля 2006 года № 63-О, от 26 января 2010 года № 158-О-О и от 27 мая 2010 года № 644-О-О).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют положения Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию, каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств, а обвиняемый – не быть принуждаемым к даче показаний против себя самого (подпункт «g» пункта 3 статьи 14 и статья 17), и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей право каждого на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции и не допускающей вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (статья 8).

Конституционные положения и корреспондирующие им нормы международного права, исключаящие возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают государство обеспечивать в законодательстве и правоприменении такие условия для реализации гражданами права на квалифицированную юридическую помощь и для эффективного осуществления адвокатами деятельности по ее оказанию, при наличии которых гражданин имеет

возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокату – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 20-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О и от 29 мая 2007 года № 516-О-О).

Признание и обеспечение со стороны государства конфиденциального характера любых сношений и консультаций между юристами и их клиентами в рамках их профессиональных отношений провозглашаются Основными принципами, касающимися роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года). На необходимость гарантировать независимость адвокатов при ведении дел, с тем чтобы обеспечить оказание свободной, справедливой и конфиденциальной юридической помощи и конфиденциальность отношений с клиентом, включая защиту обычной и электронной систем адвокатского делопроизводства и документов адвоката от изъятия и проверок, а также защиту от вмешательств в используемые электронные средства связи и информационные системы, указывают Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов (приняты 7 сентября 1990 года).

Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) также относит к основным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать

конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом или полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3).

2.2. Адвокатской тайной, согласно статье 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», признаются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (пункт 1), адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (пункт 2). Положения статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» гарантируют, таким образом, сохранение адвокатской тайны, закрепляют общий запрет на ее нарушение, исключаящий ее раскрытие и распространение любым способом, будь то допрос адвоката о составляющих адвокатскую тайну сведениях или получение их каким-либо иным способом.

При этом Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года) к сведениям, составляющим профессиональную адвокатскую тайну, относит, в частности, факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей, все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу, сведения, полученные адвокатом от доверителей, информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи, содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных, условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем (пункт 5 статьи 6).

В силу фундаментальных принципов верховенства права и юридического равенства вмешательство государства в носящие конфиденциальный характер отношения, которые складываются в процессе получения подозреваемыми и обвиняемыми профессиональной юридической

помощи адвоката (защитника), не должно нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности. Соответственно, право подозреваемого, обвиняемого на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным, однако его ограничения, сопряженные с отступлениями от конфиденциальности, допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности целям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, как того требует статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из этого при установлении правового механизма осуществления конституционного права на помощь адвоката (защитника), условий и порядка его реализации, включая обеспечение гарантий конфиденциальности отношений подозреваемого, обвиняемого со своим адвокатом (защитником), федеральный законодатель обязан, не допуская искажения существа данного права, находить разумный баланс конституционно защищаемых ценностей, закрепленных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, конкурирующих прав и законных интересов (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2003 года № 8-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П, в силу предписаний Конституции Российской Федерации, а также исходя из международных обязательств России, вытекающих из ее участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод как составной части правовой системы Российской Федерации, вмешательство органов государственной власти во взаимоотношения подозреваемого, обвиняемого с избранным им адвокатом (защитником), в том числе путем доступа к

материалам, включающим сведения о характере и содержании этих взаимоотношений, может иметь место лишь в исключительных случаях – при наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь; при этом ознакомление представителей государственной власти с такими материалами в полном объеме без обоснования предшествующими злоупотреблениями правом на юридическую помощь является избыточным и произвольным посягательством на права защиты.

3. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в случаях, предусмотренных пунктами 4–9, 10¹, 11 и 12 части второй его статьи 29, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве соответствующего следственного действия, о чем выносится постановление (часть первая статьи 165); рассмотрев указанное ходатайство, судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа (часть четвертая статьи 165); основанием производства такого следственного действия, как обыск, является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (часть первая статьи 182).

В силу пункта 7 части второй статьи 29 УПК Российской Федерации только суд, в том числе в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну. Данное требование обусловлено не особенностями проводимого в этих целях следственного действия, а специфическим характером содержащейся в изымаемых предметах и документах информации. Судебное решение в подобных случаях принимается вне зависимости от того,

оформляется их изъятие как результат выемки, проводимой в порядке статьи 183 УПК Российской Федерации, или как результат какого-либо иного следственного действия (в том числе обыска), направленного на обнаружение и изъятие именно таких предметов и документов. При этом в силу предписания пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных им в определениях от 19 января 2005 года № 10-О и от 8 ноября 2005 года № 439-О, отсутствие в статье 182 «Основания и порядок производства обыска» УПК Российской Федерации прямого указания на необходимость вынесения судебного решения о производстве обыска с целью изъятия (выемки) предметов и документов, содержащих охраняемую законом тайну, не означает, что ею устанавливается иная, нежели предусмотренный пунктом 7 части второй статьи 29 данного Кодекса, порядок выемки и изъятия материалов, составляющих адвокатскую тайну.

Таким образом, взаимосвязанные положения пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации предполагают предварительный судебный контроль в отношении производства обыска в целях обнаружения и изъятия орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, а также предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, в частности в случаях, когда такие предметы и документы содержат охраняемую федеральным законом тайну, включая адвокатскую. Иное означало бы возможность для одной из сторон уголовного процесса (стороны обвинения) беспрепятственно вторгаться в осуществление автономной и конфиденциальной деятельности другой стороны

(подозреваемого, обвиняемого и его адвоката), что искажало бы саму суть гарантированного статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

Касаясь вопроса о проведении обыска в помещении, используемом для адвокатской деятельности, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 8 ноября 2005 года № 439-О сформулировал следующую правовую позицию: поскольку адвокатская тайна подлежит обеспечению и защите не только по уголовному делу, но и в связи с реализацией своих полномочий адвокатом, участвующим в качестве представителя в конституционном, гражданском и административном производстве, а также оказывающим гражданам и юридическим лицам консультативную помощь, федеральный законодатель, реализуя свои дискреционные полномочия, вытекающие из статей 71 (пункты «в», «о»), 72 (пункт «л» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, и исходя из того, что приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства, перед другими федеральными законами не является безусловным, в том числе в случаях, когда в федеральном законе устанавливаются те или иные дополнительные гарантии прав и свобод граждан, был вправе осуществить соответствующее правовое регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Учитывая, что названный Федеральный закон предусматривает охрану адвокатской тайны в случаях проведения обыска с целью обнаружения и изъятия материалов, которые могут содержать конфиденциальную информацию, положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, являющиеся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, составляют с соответствующими положениями этого Федерального закона нормативное единство и подлежат применению во взаимосвязи с ними.

3.1. Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатура действует на основе принципа законности (пункт 2 статьи 3); защитник обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подпункт 1 пункта 1 статьи 7). Соответственно, гарантии конфиденциальности должны распространяться на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами (защитниками), которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи доверителю в порядке, установленном законом.

Иными словами, не все сведения, которым адвокат и его доверитель желали бы придать конфиденциальный характер и которые вследствие этого включены адвокатом в его производство, являются адвокатской тайной. Так, хотя согласно пункту 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий в отношении адвоката (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей, указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации. В силу статьи 15 (часть 2) Конституции Российской Федерации не могут быть защищены режимом адвокатской тайны также сведения, свидетельствующие о совершении правонарушений, имеющих уголовно противоправный характер, в частности о злоупотреблениях правом на юридическую помощь и защиту от подозрения и обвинения, допускаемых как адвокатом, так и лицом, которому оказывается юридическая помощь, а также третьим лицом (например, оплачивающим услуги адвоката).

Соответственно, под режим адвокатской тайны могут подпадать только те предметы и документы, которые получены или созданы адвокатом без нарушений уголовно противоправного характера в рамках отношений по оказанию квалифицированной юридической помощи; адвокатская тайна не распространяется на материалы, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем (или в связи с этими отношениями) признаков преступления, в том числе преступлений против правосудия, на орудия и предметы преступления, поскольку иначе ставился бы под сомнение правомерный характер действий адвоката и (или) его доверителя, создавались бы дополнительные предпосылки для ограничений, обусловленных необходимостью защиты конституционно значимых ценностей в соответствии с требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Наличие конкретных признаков преступления позволяет суду оценить достаточность оснований для санкционирования проведения следственного действия в целях обнаружения и изъятия соответствующих предметов, документов, а сами отыскиваемые объекты – конкретизировать с большой степенью определенности, с тем чтобы исключить как иные материалы адвокатского производства (включая документы, созданные адвокатом), связанные с делом, по которому адвокат оказывает доверителю профессиональную юридическую помощь, так и материалы производств по другим делам.

Исходя из этого и с учетом имеющих прямое действие положений Конституции Российской Федерации (статья 15, часть 1), Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах общий запрет на истребование и получение от адвоката конфиденциальных сведений, связанных с оказанием им юридической помощи доверителю законными способами исключительно в интересах защиты его прав, предполагает, что во время обыска, который с разрешения суда органами, осуществляющими уголовное преследование, производится в отношении адвоката, не может

иметь место исследование и принудительное изъятие материалов адвокатского производства, содержащих сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи доверителю в порядке, установленном законом, т.е. не связанные с нарушениями со стороны адвоката и (или) его доверителя либо третьего лица, имеющими уголовно противоправный характер либо состоящими в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен. В противном случае значение адвокатской тайны, права на получение профессиональной юридической помощи, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, презумпции невиновности и права каждого не свидетельствовать против самого себя фактически обесценивалось бы.

Аналогичной точки зрения придерживается в своей практике и Европейский Суд по правам человека, полагающий, что постановление об обыске должно, насколько это возможно, обеспечивать ограничение его последствий разумными пределами (постановления от 22 мая 2008 года по делу «Илия Стефанов (Iliya Stefanov) против Болгарии» и от 9 декабря 2004 года по делу «Ван Россем (Van Rossem) против Бельгии»).

Так, в деле «Колесниченко против России» Европейский Суд по правам человека усмотрел нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в том, что судом следственному органу было разрешено «в общих и широких выражениях» провести обыски в жилище и конторе адвоката, во время этого обыска не соблюдались гарантии от вмешательства в профессиональные секреты, в результате эти секреты были затронуты в степени, не соразмерной какой бы то ни было преследуемой цели. Исходя из того, что вмешательство в профессиональные секреты может иметь отрицательные последствия для надлежащего отправления правосудия и, следовательно, для прав, гарантированных статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что в демократическом обществе проведение обыска в жилище и конторе

адвоката без достаточных к тому оснований и при отсутствии гарантий от вмешательства в профессиональные секреты адвоката (который не подозревался в совершении какого-либо преступления, а являлся защитником обвиняемого по уголовному делу) не является необходимым, а значит, в данном случае имело место нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление от 9 апреля 2009 года). Этот вывод был подтвержден Европейским Судом по правам человека в ряде других его решений, в том числе в постановлении от 12 февраля 2015 года по делу «Юдицкая и другие против России».

3.2. Проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только по судебному решению, отвечающему, как следует из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации, требованиям законности, обоснованности и мотивированности, – в нем должны быть указаны конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения, с тем чтобы обыск не приводил к получению информации о тех клиентах, которые не имеют непосредственного отношения к уголовному делу (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

Таким образом, производство санкционированного судом обыска в отношении адвоката предполагает необходимость конкретизации в соответствующем судебном решении отыскиваемого объекта (предмета, документа), что позволяет исключить необоснованное исследование (обследование), изъятие (копирование) предметов, документов, материалов, не указанных в судебном решении, в частности содержащихся в материалах адвокатского производства, ведущегося (сформированного) адвокатом по делам других его клиентов, притом что правомерный характер образования (формирования) таких материалов презюмируется.

Действующее законодательство об адвокатуре не содержит прямого требования об обязательности ведения адвокатского производства –

необходимость его ведения вытекает из пункта 3 статьи 8 названного Федерального закона, а также из пункта 9 статьи 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, обязывающего адвоката при ведении адвокатского производства выполнять требования, в соответствии с которыми материалы, входящие в состав адвокатского производства по делу, а также переписка адвоката с доверителем должны быть ясным и недвусмысленным образом обозначены как принадлежащие адвокату или исходящие от него.

Согласно части пятой статьи 182 УПК Российской Федерации до начала обыска следователь предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела; если они выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, то следователь вправе не производить обыск. Соответственно, добросовестно действующий адвокат вправе добровольно выдать прямо указанные и конкретизированные в решении суда объекты, содержание которых не составляет адвокатскую тайну, что исключает необходимость их поиска, в том числе в материалах адвокатского производства, а у следователя – объективно отпадает основание поиска указанных в судебном решении объектов. В случае отказа адвоката – независимо от его причины – выдать отыскиваемые предметы, ценности или документы следователь продолжает обыск в порядке, предусмотренном статьей 182 УПК Российской Федерации, соблюдая гарантии адвокатской и иной охраняемой федеральным законом тайны.

Конкретизация судом предмета обыска (отыскиваемого объекта) предопределяет недопустимость изъятия следователем адвокатских производств в целом, применения видео-, фото- и иной фиксации данных просматриваемых материалов адвокатских производств, а также недопустимость изучения (а тем более оглашения) содержимого документов, имеющих реквизиты создания адвокатом и (или) адвокатским образованием и не включенных судом, санкционировавшим обыск, в число объектов данного следственного действия.

Обнаружение же у адвоката и (или) в помещении адвокатского образования иных объектов (в отношении которых на основании пункта 2 статьи 129 ГК Российской Федерации законом или в установленном законом порядке введены ограничения оборотоспособности) во всяком случае не исключает (предполагает) их изъятие, если их хранение прямо запрещено законом.

4. Таким образом, в законодательстве Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации и нормами международного права сформирован процессуальный режим, в рамках которого – с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – положения пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьями 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, эти положения предполагают, что:

обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения;

исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором

адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката, т.е. материалы, не связанные непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые имеют уголовно противоправный характер, либо с другими преступлениями, совершенными третьими лицами, либо состоят в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона;

в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

В целях обеспечения выполнения требований Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод федеральный законодатель вправе установить в законодательстве (уголовно-процессуальном, об адвокатской деятельности) дополнительные гарантии, исключаящие в ходе проведения обыска, при котором предполагается доступ к материалам адвокатских производств, возможность получения органами, осуществляющими предварительное расследование, сведений, составляющих охраняемую законом адвокатскую тайну, и тем самым – возможность ее использования в интересах уголовного преследования, в частности предусмотреть правовой механизм, позволяющий при проведении обыска в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности) обеспечить дифференцированный подход к исследованию как материалов, которые содержат адвокатскую тайну и вследствие этого не должны быть доступны на данной стадии состязательного процесса государственным органам, представляющим сторону обвинения, так и материалов, конфиденциальность которых не подлежит обеспечению законом в соответствии с правовыми позициями

Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 7 части второй статьи 29, часть четвертую статьи 165 и часть первую статьи 182 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьей 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьями 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, предполагают, что:

обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения, в котором должны быть указаны конкретные объекты поиска и изъятия в ходе данного следственного действия и сведения, служащие законным основанием для его проведения;

исследованию органами, осуществляющими уголовное преследование, и принудительному изъятию в ходе обыска не подлежат такие материалы адвокатского производства в отношении доверителя адвоката, которые содержат сведения, не выходящие за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи как по уголовному делу, в котором адвокат является защитником, так и по каким-либо другим делам, находящимся в производстве адвоката, т.е. материалы, не связанные непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и

его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые имеют уголовно противоправный характер, либо другими преступлениями, совершенными третьими лицами, либо состоят в хранении орудий преступления или предметов, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен на основании закона;

в ходе обыска в помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, запрещается видео-, фото- и иная фиксация материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, если они вынесены в отношении граждан Баляна Александра Вановича, Дзюбы Марины Сергеевны, Николаева Сергея Валерьевича, Парначева Владимира Владимировича, Петрова Дмитрия Васильевича, Прохорова Виктора Викторовича, Рожкова Максима Валерьевича и Юрченко Лады Валериановны на основании пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 33-П

**Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации
К.В.Арановского**

Не вступая в разногласия с выводами, изложенными в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, полагаю существенным нижеследующее.

Конституционный Суд Российской Федерации решил поставленные по делу вопросы общим образом – в пределах оспариваемых положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и не вдавался слишком далеко в область фактов, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации решает вопросы права и воздерживается от установления фактических обстоятельств в случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов (части 3 и 4 статьи 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Тем не менее в описании поводов принятия дела к производству Конституционный Суд Российской Федерации должен был описать фактическую канву и определить обстоятельства, в которых поименованные законоположения стали спорными. Даже из этого краткого описания несложно представить состоявшийся случай, не говоря уже о материалах, которые в описание не вошли, но также приняты Судом во внимание.

Речь о том, что при недостатке качественных доказательств следствие выделило из дела (по обвинению в хищении) отдельное производство и перенаправило преследование так, что под следственные действия попала профессиональная защита обвиняемых (адвокаты). Это позволило провести в адвокатском образовании многочасовой обыск с изъятием документов и предметов (электронных носителей), связь которых с объявленными поводами и целями обыска не всем показалась очевидной. Судя по материалам дела, искали доказательства уплаты денег, перечисленных адвокатам как вознаграждение (не в такой, между прочим, сумме, чтобы она не была похожа на обычный гонорар). «Следы» безналичного платежа, как известно, ищут в платежных документах (бумажных и электронных), которые (и это общеизвестно) совершаются не в одном экземпляре. Если их не взять у плательщика (кстати, почему не там, где случилась растрата?), то запросить (изъять) их в банке вряд ли сложнее, чем коллективно часами искать бумаги, которых обычно никто не прячет. Следствию, однако, нужен был именно обыск (даже не выемка) на самом дальнем конце платежной операции – в адвокатском образовании. Заодно и как будто попутно оно получило доступ к адвокатским производствам с конфиденциальной информацией, в том числе по делам посторонних лиц, не вовлеченных в уголовное дело, по которому состоялся обыск.

Конституция Российской Федерации ставит под защиту презумпцию невиновности, право не свидетельствовать против себя и своих близких и подобные иммунитеты, включая врачебную, адвокатскую тайну, которая в цивилизованном правопорядке так же бесспорна, как, например, тайна исповеди. Следствию и обвинению, если они согласны оставаться в конституционном правопорядке, полагается терпеть связанные с этим ограничения и запреты, какие бы государственные интересы ни имели в виду следователи, дознаватели и обвинители. Нельзя жертвовать конституционными правами лишь потому, что следствие в чем-то уверено и решило твердо стоять на своем, тем более из досады, когда не хватает

законных средств, чтобы доказать убежденные подозрения. Конституционные иммунитеты нельзя ставить под угрозу ради начальстволюбия и азарта с претензиями на непогрешимость следствия, где его «полнота, всесторонность» и прочие успехи овеществляют обвинительный результат и похвальная отчетность.

Случаи, подобные делу заявителей, даже если в них нет формального нарушения, ставят адвокатскую тайну под сомнение и создают, по выражению ЕСПЧ, «замораживающий эффект» в осуществлении прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь. Они дают гражданам поводы колебаться в доверии адвокатуры и в готовности поручить свои секреты защите, которую плохо защищает закон. И у защиты есть поводы беспокоиться о том, чтобы не раздосадовать следствие и чтобы оно при случае не обратилось против нее самой и против ее доверителей. Тогда останется лишь надеяться, что адвокат с этими рисками справится и поведет себя добросовестно и решительно, как велят ему долг и профессия.

Было бы лучше, конечно, чтобы адвокатура сама вела себя безупречно, не давая поводов обсуждать, насколько она справляется со своим делом. Но это общее замечание к случаю заявителей, по-видимому, не относится, и учесть его можно лишь отвлеченно, тем более что в правопорядке нет ничего безупречного. Силу свою он берет не в том, что все в нем идеально, а в том, что он справляется с отклонениями. Изъяны в деятельности адвокатов во всяком случае не оправдывают ослабление конституционных гарантий адвокатуры. Напротив, пока конституционный статус адвокатуры недостаточно защищен, в частности соблюдением правил адвокатской тайны, она не сможет уверенно поддерживать профессиональные стандарты.

Таким образом, состоявшийся случай позволяет обсуждать риск злоупотреблений со стороны следствия (дознания) и нарушения конституционных прав граждан. Не напрасно Конституционный Суд Российской Федерации не только постановил пересмотреть дело

заявителей, но и определил дополнительное, по сути, ограничение в проведении обысков адвокатских образований. Обязательным условием такого обыска Суд поставил точное наименование объектов, предназначенных к отысканию (изъятию), которые должны быть указаны именно в судебном постановлении. Это значит, что законный обыск в адвокатских образованиях возможен лишь с предварительным судебным контролем, а без разрешения суда его нельзя провести даже в тех исключительных случаях, когда его производство, по мнению следствия, не терпит отлагательства (часть пятая статьи 165 УПК Российской Федерации).